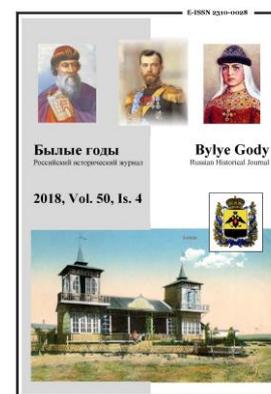

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1601-1611. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1601
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"The Resources of Cold" in Economic and Socio-Cultural Practices of Rural Communities of Yakutia. The second half of XIX – early XX centuries

Alexander Suleymanov ^{a, *}

^a Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The presented article has shown an effort to reconstruct the exploitation history of additional possibilities provided by the presence of stable low temperatures in the region – the «Resources of cold» in economic and sociocultural practices of the rural communities in Yakutia. On the one hand, the selected chronological framework is allowing to reconstruct the role of the «Resources of cold» in the traditional life-support system before the Soviet modernization, on the other hand, it allows to rely on the considerably representative body of source data.

Within the framework of the performed reconstruction, three main directions in usage of the «Resources of cold» were separated.

They were of high importance in ensuring of transport linkages across the vast Yakutia areas. Particularly, the performed study allowed to determine that all the three routes of supply of the Kolyma region in Yakutia at the beginning of the XX century were based on the possibilities that were given by the presence of the «Resources of cold».

The «Resources of cold» were also highly significant in the feed system. The possibility of all-the-year-round storage of food products in special ice-boxes, of deep freeze use at their preparation, as well as transportation of perishable food has played a major role in villagers' life, as it not only increased variability of dishes, but also quite often saved people from starvation.

Moreover, sanitary and hygiene aspect of the «Resources of cold» was shown: consumption of melt water, house and linen disinfection, folk remedies were one of the means to improve the quality of life of the representatives of the rural communities in Yakutia during the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries.

Keywords: Yakutia, cold, permafrost, traditional economy, indigenous peoples, rural population.

1. Введение

В настоящее время в сельских районах крупнейшего субъекта Российской Федерации – Республики Саха (Якутия) – проживает почти 350 тыс. человек, что составляет около 36 % всего населения региона. При этом сельская Якутия традиционно является своеобразной «этнической нишей» аборигенных этносов: долган, русских старожилов, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов.

Жизнедеятельность представителей названных этнических сообществ осуществляется в сложных природно-географических условиях: на огромных малоосвоенных пространствах при резко-континентальном климате, сочетающем в себе жаркое лето и крайне холодные зимы. Именно последний факт является, пожалуй, главной ассоциацией, связанной с Якутией. На территории республики расположены два населенных пункта, уже достаточно длительное время борющихся за звание «Полюса холода» северного полушария нашей планеты, – Оймякон и Верхоянск. В обоих из

* Corresponding author

E-mail addresses: alexas1306@gmail.com (A. Suleymanov)

них температура регулярно опускается ниже -60° С. Продолжительность зим в целом ряде районов Якутии достигает 8–9 месяцев.

Несмотря на это, в течение веков в Якутии осуществлялось достаточно активное сельскохозяйственное освоение территорий, что, естественно, было бы невозможно без уникальных адаптационных механизмов, выработанных местными сообществами. Очевидно, именно благодаря данным механизмам Якутия является регионом с самыми северными скотоводческими хозяйствами в мире.

Представляется, что анализ различных социокультурных и хозяйственных аспектов исторического опыта адаптации сельских сообществ, составляющих сейчас треть населения Якутии, к низким температурам, в особенности в свете все возрастающего значения развития северных территорий для будущего Российской Федерации, являются важными задачами сегодняшнего дня.

2. Материалы и методы

В основе разработки представленной темы лежит анализ материалов, хранящихся в фондах Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, Государственного архива Иркутской области, Научного архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Часть архивных материалов при этом впервые вводится в научный оборот. Кроме того, важнейшими источниками послужили материалы полевых исследований, проводившихся автором статьи в сельских районах Якутии, а также относящиеся к рассматриваемой проблеме монографические труды и научные статьи.

Специфика темы и ее источниковое обеспечение обусловили применение следующих принципов и методов научного познания: принципа историзма, историко-сравнительного, историко-генетического и историко-типологического методов, а также метода историко-культурной реконструкции. Именно названные методы были использованы при обработке информации, полученной в ходе работы в архивах и изучения научной литературы. При сборе полевого материала, задействованного в ходе написания статьи, нашли применение метод наблюдения с использованием фотоаппаратуры, интервью мнений и документальное интервью, проводившиеся индивидуально или небольшими группами (до 3 респондентов) в свободной форме. При опросе старожилов, осуществлявшемся, как правило, индивидуально, использовался метод глубинного интервьюирования.

Следует отметить, что устойчивые низкие температуры рассматриваются автором не с общепринятой точки зрения как своего рода тормоза в развитии, а прежде всего как источника дополнительных возможностей – своего рода «ресурсов холода».

3. Обсуждение

Проведенный анализ архивных источников и научной литературы позволяет сделать обобщения относительно опыта научного осмысления хозяйственных и социокультурных практик сельских сообществ Якутии в зимнее время года. В основном, как было установлено, этот вопрос рассматривался в совокупности с аналогичными аспектами жизнедеятельности населения республики в летний период. Данный факт касается как широко используемых в научном мире опубликованных работ В.Л. Серошевского (*Серошевский, 1896*), И.И. Майнова (*Майнов, 1912*), В.Г. Богораза (*Богораз, 1934*), В.И. Иохельсона (*Иохельсон, 2005*) и В.М. Зензинова (*Зензинов, 1914*), так и хранящихся в архивах результатов исследований С.Ф. Ковалика (*ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 624*) и участника Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг. Д.Д. Травина (*НА МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 554*). Первой работой, в которой зимние практики населения Якутии рассматривались специально, является исследование еще одного участника названной экспедиции И.П. Сойкконена «Зимний день якутской женщины» (*ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156*). В 1940–1990 гг., как показала проведенная работа, получил продолжение историографический тренд, в рамках которого зимние социокультурные и хозяйственные практики сельских сообществ Якутии не выделялись в самостоятельную проблематику, что, в частности, было зафиксировано в наиболее информативных исследованиях названного периода, подготовленных И.С. Гурвичем (*Гурвич, 1950*), А.А. Саввиным (*Саввин, 2005*), С.И. Николаевым-Сомоготто (*Николаев-Сомоготто, 2009*), В.А. Туголуковым (*Туголуков, 1979*), Ф.М. Зыковым (*Зыков, 1986*) и А.Г. Чикачевым (*Чикачев, 2007*). Лишь недавно зимние практики якутов как социокультурный феномен стали рассматривать В.С. Никифорова и Е.Н. Романова (*Никифорова, 2015*).

Исключением в отмеченном историографическом тренде является статья В.П. Мельникова и Р.Ю. Федорова, посвященная исследованию роли природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока (*Мельников, 2018*). Однако названные авторы при ее подготовке не использовали источниковый материал, связанный с Якутией.

Таким образом, проведенный анализ относящихся к теме статьи работ показал, что исследований, направленных на изучение исторического значения «ресурсов холода» в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии, ранее не проводилось.

4. Результаты

В середине XIX в., когда еще в полной мере проявлялась «традиционность» хозяйства коренных народов и в то же время уже появился определенный массив источниковых данных, позволяющий представить объективную картину практик использования «ресурсов холода», проживавшие в сельской местности составляли подавляющее большинство населения Якутии, общая численность которого едва превышала 200 тыс. чел. При этом как таковых сел в регионе тогда было не так много – они существовали только в местах проживания русского населения (как правило, совместно с якутским). Традиционный же тип расселения наиболее многочисленного на тот период этноса – якутов – предполагал жизнедеятельность отдельных семей в аласах (замкнутых или полузамкнутых безлесых котловинах) и ведение хозяйства фермерского типа. Коренные малочисленные народы Севера Якутии (долганы, чукчи, эвенки, эвены, юкагиры) и вовсе в подавляющем своем большинстве вели кочевой образ жизни.

Земледелие было распространено в районах проживания русского населения (в основном в долинах крупных рек – Лены, Амги, Вилюя и др.). Хозяйство якутов основывалось на ведении коневодства и скотоводства, которое в XIX в. получило распространение вплоть до полярных широт, прежде всего благодаря выведению местной породы крупного рогатого скота, требующей минимального ухода и дающей высококалорийную продукцию, критически необходимую в условиях Крайнего Севера. Населявшие преимущественно таежно-тундровую и тундровую зоны представители коренных малочисленных этносов жили, главным образом, за счет оленеводства, охоты и рыболовства. Последняя отрасль являлась основой проживания также русских арктических старожилов Якутии.

Переходя непосредственно к историческому анализу практик эксплуатации «ресурсов холода» сельскими сообществами Якутии, представляется необходимым более акцентированно, чем в начале статьи, напомнить об еще одной ключевой особенности, определяющей саму среду их жизнедеятельности. Административные границы Якутии, хотя и претерпевали в течение XX в. изменения, однако они не носили радикального характера, как и сейчас (на территории республики можно разместить 6 Франций), так и в рассматриваемый период регион занимал огромную площадь. Помимо сурового климата и удаленности от центра страны, малозаселенность Якутии определяла труднодоступность целого ряда территорий, испещренных горными хребтами, большими и малыми реками, болотами и т.д.

В подобных условиях, естественно, решающую роль при освоении региона могли бы сыграть дороги. Вместе с тем даже сейчас столица республики связана автомобильными путями сообщения с «Большой землей» только зимой (летом ходит паром через р. Лена). Более того, существуют целые районы республики, добраться до которых по суше можно исключительно в зимний период времени. Важнейшее место при этом занимают ледовые переправы и автозимники, по меткому выражению экономиста Б.В. Белинского, «щедрого дара суровой природы Якутии» (АЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 296. Л. 5). Действительно, благодаря этим «ресурсам холода», в настоящее время в республике перевозится 80 % грузов. При этом автомобильные зимники (дороги, эксплуатация которых возможна только в условиях отрицательных температур, т.к. они проложены по руслам замерзших рек и смерзшейся почве) составляют порядка 60% общей протяженности дорог в Якутии.

К сожалению, специальных трудов, посвященных анализу состояния путей сообщения в Якутии в XIX в. – начале XX в. нет, поэтому об использовании зимников и их роли в этот период мы можем судить, опираясь на здравый смысл и сохранившиеся отдельные записи путешествовавших по Якутии исследователей и чиновников. В частности, некоторое представление о состоянии путей сообщения в Якутии и роли в них «ресурсов холода» дает сопоставление времен года, в которые они предпочитали совершать протяженные маршруты.

Так, зимой 1843 г. отправился из Иркутска на место своего служения в Нижнеколымск священник А. Аргентов, оставивший подробные и содержательные заметки о своем пребывании на северо-востоке Якутии (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 610. Л. 7). Еще один летописец истории региона, А.И. Суханов, живший в Якутии в третьей четверти XIX в., выехал из Якутска в отдаленные северные Верхоянский и Колымский округа в начале ноября 1863 г. При этом путешественник неоднократно отмечал, что его путь пролегал по замерзшим озерам и руслам местных рек, и даже иногда фиксировал «порядочное» качество дороги (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Л. 390б.–640б.). Повторно А.И. Суханов вместе с женой ездил в Верхоянский и Колымский округа зимой 1866–1867 гг. Опять же зимой проделал путь из Якутска в Среднеколымск и ссыльный народник И.В. Шкловский в конце XIX в. Обратную дорогу он совершил вновь зимой (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640. Л. 22–360б.).

Безусловно, следует оговориться, что даже в силу размеров территории невозможно говорить об однородности отмеченной выше картины. В центральных и южных районах Якутии важное место имели водные артерии: путешествие по рекам и поставка грузов были зачастую и комфортнее, и рентабельнее, чем использование зимников. Однако представляется очевидным, что мало изменившиеся с XIX в. природно-географические условия делали невозможным или, по крайней мере, чрезвычайно затруднительным обеспечение снабжением или элементарную связь с административным центром – Якутском – существовавших на севере Якутии населенных пунктов, расположенных еще более дисперсно, чем сейчас. В этом плане показательным, что если в Якутске

ярмарка проводилась в летнее время, то в низовьях Колымы – в феврале–марте на льду напротив Анюйской крепости (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Л. 60).

Еще более репрезентативными представляются отложившиеся материалы о снабжении северо-восточных районов Якутии в начале XX в. Например, отправленный в 1905 г. организовать завоз продовольствия и промтоваров в Колымский регион С.А. Бутурлин, характеризуя возможности доставки муки из Абыя, рассматривал только два варианта: зимний и осенний. Оба предполагали использование скованных льдом рек и озер (Отчет, 1907: 10–15).

Достаточно подробный анализ путей снабжения того же Колымского региона был представлен на состоявшемся в апреле 1910 г. в Якутске «Совещании по вопросу об улучшении сообщений Охотского побережья с Якутском и Колымским и об оживлении торговых сношений».

В ходе него, в частности, были охарактеризованы маршруты, по которым осуществлялось снабжение северо-восточной окраины Якутии. Основным маршрутом до 1908 г. являлся Ольско-Колымский путь, который предполагал следующую схему доставки грузов: Владивосток – с. Ольское (на пароходе) – м. Сеймчан на Колыме (зимой на санях) – населенные пункты по Колыме (летом на паузках). Перевозки по этому пути, однако, были подвержены значительному риску («многим случайностям») из-за ситуации на море и оказывались чрезвычайно медлительными («товар, выписанный из Среднеколымска (*его жителями* – А.С.), может быть получен там только через полтора года»). В результате с 1908 г. грузы «казенного заготовления» стали доставляться на Колыму по Булуновскому пути. Данный маршрут предполагал отправку грузов из Якутска в течение летней навигации по Лене до с. Булун, расположенного в ее низовьях. Отсюда грузы доставлялись зимой на оленях через Усть-Янск и Абый в Среднеколымск. Кроме того, существовала еще и возможность поставки товаров из Якутска по Колымскому тракту. Протяженность этого маршрута составляла, однако, 2,5 тыс. верст. Перевозка грузов на таком огромном расстоянии производилась с большими затруднениями: летом на лошадях вьючно, а зимой – на оленях (ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 330. Л. 6–8).

Все три существовавших в начале XX в. пути снабжения северо-восточной Якутии, таким образом, опирались на возможности, которые предоставляло наличие продолжительного периода устойчивых низких температур.

Выше отмечалось, что южные и центральные районы были менее зависимы от зимников и ледовых переправ. Однако все равно эта зависимость была очень сильна. Так, В.О. Липинский, составивший в начале XX в. краткий обзор путей сообщения Иркутской губернии, в состав которой в тот период входила Якутская область, отмечал, что Якутский тракт в летнее время допускал движение телег лишь до Жигаловской пристани (современная территория Иркутской области), а дальше сообщение по нему было возможно только верхом. Исключением, по замечанию специалиста, являлось зимнее время, когда езда производилась по льду Лены (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 773. Л. 6–60б.). Таким образом, даже центральный тракт Якутии не мог обеспечить нормального круглогодичного сообщения и на выручку приходили «ресурсы холода».

Делавший в 1915 г. обзор состояния экономики Якутии Левин охарактеризовал среди прочего и логистику перевозки грузов. В частности, в работе было представлено описание маршрутов по Охотскому тракту, связывавшему Якутск с Охотском. Из Якутска до Алданской станции грузы перевозились на пароходах, а от нее до станции Чернолесская они шли «исключительно зимой» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 714. Л. 1–10б.). Аналогичная ситуация была зафиксирована исследователем и на Аянском тракте, на котором от Аяна до Нелькана «летом грузов не возят» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 714. Л. 10б.).

Даже на Олекминских золотых приисках, где транспортная сеть при всей ее условности была развита лучше, чем на севере Якутии, местные подрядчики поставляли припасы два раза в год: сперва в начале зимы, «как только представится возможность ехать на санях», затем – «пока не застала распутица на Лене» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 575. Л. 16–20).

Представляется показательным также, что в начале XX в. планировался тракт, который должен был связать Якутск с Зеей и Большим Невером для товарообмена: в Якутию поставлялись бы необходимые промышленные товары, а из нее – сельскохозяйственная продукция, т.к. Дальний Восток тогда снабжался из Монголии и Манчжурии. Рассчитывали, что он функционировал бы именно в зимнее время года, при этом значительная часть «дороги», как предполагалось, прошла бы по льду р. Амги (ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–65; Д. 275. Л. 1–84).

Характеризуя роль «ресурсов холода» в обеспечении снабжения различных районов Якутии, будет не лишним привести и еще одни замечания В.О. Липинского, который в названной выше работе отметил, что благодаря ранним заморозкам без оттепелей осенью (снег ложится на мерзлую почву, не тает и, соответственно, не причиняет вреда) на дорогах отсутствует сезонная распутица, свойственная Европейской России (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 773. Д. 80. Л. 9–90б.).

Установление в зимний период времени прочного сообщения играло значительную роль в повышении вариативности питания жителей Якутии.

Так, уже упоминавшийся А.И. Суханов в 1870-е гг. отмечал, что рацион питания жителей Верхоянска разнообразит привезенная зимой из Усть-Янска рыба (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Л. 45). Следует отметить, что, наряду с дорогой, здесь важную роль играл и непосредственно холод: в существовавших в ту пору условиях доставить летом свежую рыбу в сохранности было практически

невозможно – она сгнила бы в пути.

В этом отношении показательны записи, оставленные неизвестным автором в начале XX в. и касающиеся описания жизнедеятельности якутов Абыйского района. В них, среди прочего, упоминается, что «зимой пища (*абыйских якутов – А.С.*) мало отличается от летней, но благодаря свободным путям сообщения все же является возможным доставать пищу лучше и в большем количестве, чем летом. Главным образом рыба, большинство которой, будучи пойманной летом, наполовину разложившаяся и издающая отвратительное зловоние, которую варят, а свежую едят в мерзлом виде, что считается даже лакомым блюдом» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 822. Л. 7).

А.В. Боголепов, проживший в начале XX в. несколько лет в Булуне, отмечал, что только зимой к привычному рациону местного населения добавляется говядина, привезенная из Верхоянья (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 725. Л. 10).

Кроме того, в этом отношении представляется необходимым уделить некоторое внимание истории упоминавшегося Аянского тракта, связывавшего Якутск с охотским побережьем. Его конечная точка – порт Аян – являлся в рассматриваемый период одним из важнейших центров снабжения Якутии чаем. Роль последнего в жизнедеятельности населения региона и важность в этой связи «ресурсов холода» отметил командированный в 1894 г. для обследования состояния Аянского тракта дорожный техник П. Сикорский. Специалист сообщил о значительно большей удобности преодоления в зимнее, а не летнее время главного препятствия на пути путешественников – Джугджурского перевала, а также о сроках движения чайных обозов: они отправлялись из Аяна именно с наступлением холодов – в конце октября или начале ноября – и достигали Нелькана через 20 дней – месяц (ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 127. Л. 17–18). Характеризуя же значение чая в жизни якутян, П. Сикорский назвал его «предметом первой необходимости, как хлеб и соль в одаренных частях Российской империи» (ГАИО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 127. Л. 23–23об.). Действительно, чай в ту пору являлся не только напитком, но и фактически едой (похлебкой, сдобренной молоком) для значительной части населения Якутии, и возможность его доставки в зимнее время со складов имевшего в ту пору статус «Порто-Франко» Аяна значительно удешевляло его конечную стоимость и делало доступным для широких слоев в целом далеко не богатого якутского общества.

Значение «ресурсов холода» в системе питания населения Якутии в рассматриваемый период не исчерпывается расширением возможностей доставки продовольственных товаров. Так, огромную роль в приготовлении целого ряда блюд традиционной кухни народов региона играло замораживание.

В этом плане наиболее показательным представляется блюдо «тар», которое было названо проводившим исследование в Якутии в первой четверти XX в. Н.П. Поповым «наиболее употребляемым якутами молочным продуктом» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 104). Для его приготовления летом и осенью суорат (теплое кипяченое молоко с закваской) прокисал в деревянных бочках, так что с течением времени на нем образовывался большой слой плесени. Плесень собиралась черпалками, а более густая скиснувшая масса замораживалась. В некоторых хозяйствах тар замораживался в особых посудах, сделанных из снега или навоза, облитого изнутри водой. Вода на морозе моментально замерзала и образовывала своего рода защитный слой. Замороженный тар хранился около жилища в виде громадных молочных глыб от 5 до 8 пудов весом на открытом воздухе без какого-либо прикрытия. Как отмечал по этому поводу Н.П. Попов, воровства в Якутии в тех районах, где не было уголовных ссыльных, почти не существовало, а собаки, «напуганные страшной кислотой тара», к нему не притрагивались (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 180). Специалист по истории питания якутов А.А. Саввин приводит сведения, согласно которым неиспользованные за зиму глыбы тара накрывались перед наступлением оттепели стогом сена и благополучно сохранялись до следующей зимы (Саввин, 2005: 101). Помимо своей самостоятельной роли, тар также являлся ключевым ингредиентом различных каш и напитков (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 182).

Значение тара в зимний период, когда сделанные летом запасы продовольствия подходили к концу и выбор возможных блюд оказывался резко ограничен, позволило Н.П. Попову назвать его «хлебом насущным» для якутов. При этом исследователь отметил, что были нередки случаи, когда якутское семейство целую зиму «сидело на одном таре» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 182).

Вместе с тем уже в рассматриваемый период происходила постепенная утрата позиций тара в жизни населения Якутии. Так, подобное явление отмечал в начале XX в. А.И. Попов, который связывал его с усилением влияния русской кулинарной моды на гастрономические предпочтения местных жителей (вспомним слова П. Сикорского), а также распространением мнения о предосудительности употребления тара (Сокольников, 1913: 15). Последний факт А.А. Саввин объяснил деятельностью высшего православного духовенства, представители которого якобы считали этот продукт «грязным» из-за сопровождавшей процесс его приготовления обильной плесени, а также стремлением служителей культа к распространению в Якутии, наряду с православием, земледельческой культуры (Саввин, 2005: 100–101).

Другим популярным блюдом рубежа XIX–XX вв., для приготовления которого было необходимо использование «ресурсов холода», является небезызвестная строганина. Употребление ее представителями аборигенных этносов Якутии в пищу достаточно подробно охарактеризовал в своей монографии 1896 г. В.Л. Серошевский: «одним из любимых и действительно очень вкусных и

здоровых блюд считается ... «строганина» – мерзлая, изрезанная в ломтики рыба. Строганину подают обыкновенно к чаю... Нужно, чтобы рыба промерзла до очень низкой температуры, не меньше 40 гр., иначе она окажется дряблой и водянистой» (Серошевский, 1896: 321).

Один из пионеров якутоведения точно уловил и передал ключевой момент, необходимый для оптимального приготовления строганины: выловленная рыба должна практически мгновенно промерзнуть, что, естественно, было тогда возможно только в условиях очень холодных зим.

Если строганина в рассматриваемый период уже получила широкое распространение в кухне всех аборигенных этнических сообществ Якутии, в частности А.И. Суханов отметил, что она «пользуется большим почетом» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Л. 50), включая русских старожилов, то остальные блюда, как правило, были достаточно четко дифференцированы по отмеченным выше особенностям хозяйственных комплексов коренных народов. Однако объединяла их активная эксплуатация в кулинарии «ресурсов холода».

Так, у скотоводов и коневодов якутов, помимо тара, заморозка использовалась для приготовления других молочных продуктов и, конечно же, при обработке мяса. В частности, значительную популярность имел мясной «аналог» строганины – нарезанная жеребятина или, в крайнем случае, конина (Николаев-Сомоготто, 2009: 77). Достаточно активно употреблялась также замороженная сырой рубленая печень лошади. При этом данное блюдо считалось еще и лечебным. Например, замороженную печень давали потерявшим много крови роженицам, раненым или просто истощенным и ослабленным (Николаев-Сомоготто, 2009: 75). Кроме того, в замороженном виде употреблялись конское сало и головной мозг, а также смесь мерзлых сала, хряща и мяса (Николаев-Сомоготто, 2009: 79).

Юкагиры и чукчи, в свою очередь, использовали «ресурсы холода» при приготовлении мелко нарезанного сырого мяса оленя (Иохельсон, 2005: 589). Кроме того, у чукчей в рассматриваемый период было распространено блюдо пререм – нарезанная и отваренная задняя часть оленя, которую затем после ряда процедур замораживали и употребляли в мороженом виде (Народы, 2010: 540).

Приведенный выше далеко не полный перечень блюд, при приготовлении которых применялась заморозка, как представляется, служит достаточной иллюстрацией важности «ресурсов холода» в системе питания населения Якутии рубежа XIX–XX вв. Однако не менее серьезное значение они играли и в хранении продовольствия. Широко известно, что практически вся территория региона находится в зоне распространения «вечной» мерзлоты. Этот системообразующий для всей жизнедеятельности Якутии фактор также можно отнести к «ресурсам холода», однако, учитывая направленность и ограниченность рамок данной работы, он будет рассматриваться исключительно с точки зрения возможностей естественной консервации продуктов.

К сожалению, изучение выявленных исторических источников не позволяет точно определить, в какой именно исторический период в Якутии широкое распространение получили вырытые в земле для хранения продуктов питания сооружения, имеющие два одинаково популярных в регионе названия – ледники или погреба, а также от кого исходила первоначальная инициатива их создания. Опрошенные информанты в основном склоняются к тому, что это были русские поселенцы (ПМА). Вместе с тем косвенно о том, что подобные сооружения в каком-либо виде существовали до прихода русских, говорит наличие в якутском языке оригинального, а не заимствованного слова, обозначающего подобные конструкции – «булуус». Однако, видимо, именно русским принадлежит «пальма первенства» в строительстве под своими амбарами двух- или трехъярусных погребов, в нижнем ярусе которого круглогодично можно было хранить замороженные продукты.

С уверенностью можно лишь утверждать, что подобные сооружения в начале XX в. в Якутии существовали и пользовались успехом. Так, проводивший в 1920-е гг. исследования среди русских старожилов арктического побережья Якутии Д.Д. Травин писал следующее: «При каждом хозяйстве есть более или менее хороший погреб для хранения рыбы и мяса. Погреба копают в мерзлоте, выбирая места со льдом без земли. Лед этот темнее и крепче речного, иногда идет сплошным слоем на неизвестную глубину... Для погреба в почве делается яма («творило»), а лед вырубается и выбрасывается через него. От «творила» идет вниз лестница, сделанная из бревна с зарубками для ноги. «Творило» заложено дощечками и прикрыто шкурой. Над погребом делается постройка, близкая по типу к «холомо» (коническое жилище северных якутов – А.С.), но с закрытым верхним отверстием и дощатой дверью» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Л. 374–375).

Конечно же, как и в случае с путями сообщения, такую идиллическую картину нельзя автоматически распространять на всю территорию Якутии. На севере региона, где проводил исследования Д.Д. Травин, широкое распространение имеет ископаемый лед, строить в котором погреба значительно быстрее и менее ресурсоемко, чем прорубать ямы в толще «вечной» мерзлоты. В результате, например, упоминавшийся ранее А.И. Суханов, будучи в Олекминске, находящемся на юге Якутии, отметил недостаточность хороших погребов, из-за чего «припасы скоро портились» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Д. 80. Л. 68).

Однако мобилизованный источниковый материал позволяет сделать вывод, что подобные факты все же были в рассматриваемый период скорее исключением, чем нормой. В частности, оставивший подробные записи о своем пребывании в ссылке в Якутии в 80–90 гг. XIX в. В.Е. Горинович сообщал об увиденных им погребях как абсолютной норме. Кроме того, он

зафиксировал и некоторые виды продовольствия, хранившиеся в криолитозоне: ягоды, дичь, масло, другие молочные продукты, а также караси, которые были вытасканы на его глазах из подвала летом и покрыты коркой льда (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 104–106).

Наряду с погребами, как и в случае с таром, использовалось и хранение продуктов в зимний период непосредственно на улице. Не случайно забивать нагулявшийся за лето скот у якутов было принято с наступлением заморозков – в октябре или начале ноября (Саввин, 2005: 137). Туши убитых животных до апреля или мая могли находиться в сохранности на улице (естественно, с защитой от хищников), а затем спускаться в погреба.

В результате полевых исследований, проведенных автором данной статьи летом 2017 г. в Хангаласском районе Якутии, был собран материал, дополняющий картину практик эксплуатации «ресурсов холода» в целях хранения продуктов питания в начале XX в. Именно в это время в окрестностях села Кытыл-Дюра местный житель С.М. Емельянов открыл и стал использовать в хозяйственных целях природный феномен – выдуваемые из близлежащей сопки потоки холодного воздуха. К ее северо-восточному склону он пристроил небольшой амбар с таким расчетом, чтобы в него поступали выдуваемые потоки. Вскоре этот, не требующий больших затрат опыт позаимствовали и другие жители села, сооружая амбары и храня в них продовольствие. По свидетельству опрошенных местных жителей, продукты питания могут без потери вкусовых качеств храниться в этих амбарах не менее 5 лет. Следует отметить, что температура воздуха в них такова, что в конце августа двери амбаров снаружи были покрыты льдом (ПМА).

При этом значение подобных «ресурсов холода» в хранении продуктов питания в рассматриваемый период было значительно сильнее, чем сейчас, не только из-за последующего технологического развития и широкого распространения морозильной техники, но и по причине того, что ранее якуты не использовали в качестве консерванта соль. В этом плане в их арсенале было лишь два основных инструмента: замораживание и квашение. Сочетание этих способов особенно хорошо иллюстрирует «калимса» – сквашенная летом в ямах рыба, которая затем складывалась в четырехугольные связки примерно в 2,5 пуда весом и замораживалась (Серовский, 1896: 321). По свидетельству Э.К. Пекарского, калимса насчитывала, как правило, 250 штук рыб, которые обливались водой и плотно смораживались, образуя четырехугольные глыбы (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 194–195).

В погребах, наряду с запасами продовольствия, зачастую хранился и специально заготовленный лед. Где-то он мог играть роль аккумуляторов холода, но чаще всего предназначался для последующего употребления в качестве питьевой воды. Примечательно, что по наблюдениям упоминавшегося ранее В.Е. Гориновича всплеск подобной практики произошел именно в рассматриваемый период: «русские, а за ними кое-где и якуты стали запасать куски льда, которые приходится таять каждый раз перед употреблением» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 231). Основной причиной, побуждавшей людей использовать для питья лед, является та же, что движет селянами и в наши дни – низкое качество воды во многих реках и озерах Якутии (водопровод в подавляющем большинстве сел республики по-прежнему остается несбыточной мечтой). Не случайно работавший в начале XX в. в Якутии врач А.И. Попов связывал широкое распространение среди якутов глистной инвазии именно с качеством употребляемой ими для питья воды (Сокольников, 1913: 18–19). В этой связи показательны данные Н.П. Попова: «Якуты держат иногда воду летом в погребах в виде замороженных глыб, от которых откалывают кусочки нужной величины для растапливания на питье. Делают так, потому что летом вода в некоторых реках и в особенности озерах страшно загрязнена. Якуты, живущие по берегам промерзающих на зиму озер, запасаются водой, которую держат у себя или около юрт или около амбаров в виде больших ледяных глыб, в которые вморожены большие крючковатые палки. На такие палки удобно надевать ледяную глыбу над тазом, когда хотят получить из нее воду» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 105–106). Проведенный опрос информантов позволил установить, что в рассматриваемый период, наряду со льдом, якуты использовали для питья также и талый снег (ПМА).

Употреблением талых льда и снега санитарно-гигиеническая роль «ресурсов холода» не исчерпывается.

Так, одной из причин установленного одним из первых исследователей народной медицины якутов В.Е. Гориновичем сравнительно крепкого здоровья якутов были «здоровый климат и стерильность воздуха» (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 44). Следует отметить, что мнение о благоприятном воздействии якутских морозов на состояние здоровья и купировании ими развития эпидемий имеет широкое распространение среди опрошенных автором в ходе полевых исследований респондентов (ПМА). Известно, впрочем, что в рассматриваемый период эпидемии в Якутии все же были и при этом достаточно опустошительные (не удивительный факт с учетом того, что на всю огромную территорию региона в конце XIX в. приходилось 10 врачей, из которых 6 находились в Якутске (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640. Л. 91). Например, по данным В.Г. Богораза, эпидемия оспы 1884–1885 г. истребила более трети жителей Нижнеколымска, а некоторые окрестные населенные пункты опустели полностью (Богораз: 1899: 118–119). Об этом же свидетельствовал и И. Шкловский, по данным которого от этой эпидемии в Колымском округе погибло 28 % населения. Вместе с тем тот же И. Шкловский отметил, что в низовьях Колымы почти не осталось свободных погребов, т.к. все

они были забиты телами умерших, которых складывали в них за недостатком могил: «погребя вырыты в вечномерзлой почве, поэтому гниения нечего опасаться» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640. Л. 95). Таким образом, подобная практика массового захоронения в целях предотвращения распространения смертельной болезни является объективным подтверждением практик эксплуатации «ресурсов холода» в санитарных целях.

Говоря о стерильности воздуха в Якутии в зимний период, нельзя не упомянуть и о таком факте, как чистота местности. В этой связи примечательны записи А.И. Суханова, зафиксировавшего рассказ жительницы Среднеколымска (этот населенный пункт хотя и являлся формально городом, однако фактически мало чем отличался от села): «... Летом у нас такая грязь, что не приведи Господи ходить пешком, только охлюпаешься; ездить, сами Вы видите, и экипажей нет, и местность не позволяет; к тому же от сырости поднимается такая блажь комаров, что в комнате сидеть нельзя, не говорю уже об улице...» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 553. Д. 54–54об.). Иная ситуация была зимой: отсутствие насекомых и полностью покрытые снегом и оттого чистые и ровные дороги.

Холод в рассматриваемый период применялся и в народной медицине якутов. В частности, автор «Заметок о якутах» Соловьев сообщил об увиденном им способе терапии в случае несварения желудка у ребенка: его клали над погребом, «чтобы он охладился» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. 583. Д. 24. Л. 5). Хотя автор записей отнесся к подобному методу крайне скептически, тем не менее само отношение к холоду представляется достаточно показательным.

Исследователи отмечали также использование в народной медицине якутов прикладываемых в случае головной боли к голове мерзлого лошадиного кала и вымороженной серебряной палочки при проведении операции на глазах (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 58. Л. 53–54).

Кроме того, во время полевых исследований было выявлено, что в рассматриваемый период в целях дезинфекции жилых помещений от насекомых представители сельских сообществ Якутии активно прибегали к вымораживанию своих домов в наиболее холодные зимние месяцы (ПМА). И.П. Сойкконен же в своей работе «Зимний день якутской женщины» упоминает, что вымораживанию подверглось и белье, вывешиваемое в этих целях на ночь на улицу (ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156. Л. 6).

Существовали и более частные аспекты применения «ресурсов холода», свидетельства о которых, очевидно, в массе своей утрачены. Например, по наблюдениям еще одного бывшего народника С.Ф. Ковалика, отбывавшего ссылку в Верхоянье, местные жители употребляли свежий навоз для ремонта саней. После нанесения навоз смерзался с проблемной деталью и «скреплял расшатанное место» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 624. Л. 14об.). Кроме того, зимой по образовавшемуся снежному насту было принято скатывать в села с окрестных сопкок заготовленную древесину для будущего строительства и пополнять запасы дров (ПМА).

5. Заключение

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. «ресурсы холода» занимали важное место в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Их использование осуществлялось по широкому спектру направлений и являлось важным механизмом адаптации к специфическим природно-географическим условиям региона. Показанная в работе картина фактически просуществовала с минимальными изменениями вплоть до начала масштабной советской модернизации. Уже в 1920-е гг. были отмечены первые попытки поставить эксплуатацию «ресурсов холода» на научные рельсы. Реализация же политики коллективизации и поселкования, приведшая к созданию новых населенных пунктов и переселению в них семей якутов из аласов, а также «оседания» представителей коренных малочисленных народов Севера, в отношении практик эксплуатации «ресурсов холода» фактически форсировала развитие тех тенденций, которые достаточно четко наблюдались уже в рассмотренный в статье период. Так, наметившееся снижение роли «ресурсов холода» в приготовлении продуктов питания получило существенный импульс ввиду значительно меньшей автаркичности хозяйств в условиях крупных поселений, их большей зависимости от привозной продукции (продовольственные товары, топливо и т.д.). Этот же факт, естественно, обусловил дальнейшее укрепление позиций «ресурсов холода» в транспортной системе Якутии. Создание коллективных хозяйств и их последующее объединение в совхозы, практически в каждом из которых сооружался многотонный ледник, привели также к увеличению значения продолжительных якутских зим в хранении сельскохозяйственной продукции и корма для животных. Важное место «ресурсы холода» в жизнедеятельности сельских сообществ Якутии сохраняют и в наши дни, даже с учетом технологического развития.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 17-78-10097 «Ресурсы холода»: значение низких температур в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии».

Литература

АЯНЦ СО РАН – Архив Якутского научного центра СО РАН.

Богораз, 1899 – Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. 1899. № 6.

- Богораз, 1934** – Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1934. Т. 1. 194 с.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- Гурвич, 1950** – Гурвич И.С. Оленекские и анабарские якуты. Историко-этнографический очерк // Краткие сообщения ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1950. Вып. 11. С. 100–106.
- Зензинов, 1914** – Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское устье Якутской области Верхоянского округа. 2-е изд. М., 1914. 133 с.
- Зыков, 1986** – Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Новосибирск, 1986. 99 с.
- Иохельсон, 2005** – Иохельсон В.И. Юагиры и юагиризированные тунгусы. Новосибирск, 2005. 675 с.
- Майнов, 1912** – Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб, 1912. 386 с.
- Мельников, 2018** – Мельников В.П., Федоров Р.Ю. Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 133–141.
- Народы, 2010** – Народы Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев. М., 2010. 773 с.
- Николаев-Сомоготто, 2009** – Николаев-Сомоготто С.И. Пища якутов (в свете соседних культур). Якутск, 2009. 168 с.
- НА МАЭ РАН** – Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- ПМА** – Полевые материалы автора. Исследования в населенных пунктах Хангаласского, Мегино-Кангаласского и Амгинского районов Якутии (2017–2018 гг.)
- ПФА РАН** – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
- Никифорова, 2015** – Никифорова В.С., Романова Е.Н. Зимние сакральные практики: ночные сказывания Олонхо // Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики. Дорожный проект. Якутск, 2015. С. 16–18.
- Отчет, 1907** – Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С.А. Бутурлина. СПб, 1907. 152 с.
- Саввин, 2005** – Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск, 2005. 376 с.
- Серошевский, 1896** – Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Т. I. Санкт-Петербург, 1896. 720 с.
- Сокольников, 1913** – Сокольников П.Н., Попов А.И., Говоров И.С. Жилище, одежда и пища якутов. Якутск, 1913. 21 с.
- Туголуков, 1979** – Туголуков В.А. Кто вы, юагиры? М., 1979. 152 с.
- Чикачев, 2007** – Чикачев А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. Новосибирск, 2007. 303 с.

References

- AYaNTs SO RAN** – Arhiv Yakutskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Archive of the Yakutsk Scientific Center of the SB RAS].
- Bogoraz, 1899** – Bogoraz V.G. (1899). Russkie na reke Kolyime [Russian on the Kolyma River]. *Zhizn [Life]*. № 6. [in Russian]
- Bogoraz, 1934** – Bogoraz V.G. (1934). Chukchi [The Chukchi]. Leningrad. Vol. 1. 194 p. [in Russian]
- Chikachev, 2007** – Chikachev A.G. (2007). Russkie v Arktike: polyarnyy variant kultury: istoriko-etnograficheskie ocherki [Russians in the Arctic: a polar variant of culture: historical and ethnographic essays]. Novosibirsk. 303 p. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyy arhiv Irkutskoy oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].
- Gurvich, 1950** – Gurvich I.S. (1950). Olenekskie i anabarskie yakutyi. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Olenek and Anabar Yakuts. Historical and Ethnographic Sketch] *Kratkie soobscheniya in-ta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya* [Brief Communications of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography]. Issue. 11, pp. 100–106. [in Russian]
- Iohelson, 2005** – Iohelson V.I. (2005). Yukagiryi i yukagirizirovannyye tungusy [Yukaghirs and Yukagirized Tungus]. Novosibirsk. 675 p. [in Russian]
- Maynov, 1912** – Maynov I.I. (1912). Russkie krestyane i osedlyie inorodtsy Yakutskoy oblasti [Russian peasants and sedentary aliens of the Yakut region]. St. Petersburg. 386 p. [in Russian]
- Melnikov, 2018** – Melnikov V.P., Fedorov R.Yu. (2018). Rol prirodnih kriogennyih resursov v traditsionnyih sistemah zhizneobespecheniya narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [The role of natural cryogenic resources in traditional life support systems for the peoples of Siberia and the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. № 426, pp. 133–141. [in Russian]

NA MAE RAN – Nauchnyiy arhiv Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN [Peter the Great Scientific Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS].

Narodyi, 2010 – *Narodyi Severo-Vostoka Sibiri (2010)* [Peoples of the North-East of Siberia]. Ed. by E.P. Batyanova, V.A. Turaev. Moscow. 773 p. [in Russian]

Nikiforova, 2015 – *Nikiforova V.S., Romanova E.N. (2015). Zimnie sakralnyie praktiki: nochnyie skazyvaniya Olonho* [Winter sacred practices: nighttime tales of Olonkho]. *Laboratoriya kompleksnyih geokulturnyih issledovaniy Arktiki. Dorozhnyiy proekt* [Laboratory of complex geocultural studies of the Arctic. Road project]. Yakutsk. pp. 16–18. [in Russian]

Nikolaev-Somogotto, 2009 – *Nikolaev-Somogotto S.I. (2009). Pischa yakutov (v svete sosednih kultur)* [Food of the Yakuts (in the light of neighboring cultures)]. Yakutsk. 168 p. [in Russian]

Otchet, 1907 – *Otchet upolnomochennogo Ministerstva vnutrennih del po snabzheniyu prodovolstviem v 1905 godu Kolyimskogo i Ohotskogo kraya mirovogo sudi S.A. Buturlina (1907)* [Report of S.A. Buturlin – the Ministry of Internal Affairs authorized to supply food in 1905 to the Kolyma and Okhotsk Territories of Magistrate]. St. Petersburg. 152 p. [in Russian]

PFA RAN – Sankt-Peterburgskiy filial Arhiva Rossiyskoy akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences].

PMA – Polevyie materialyi avtora. Issledovaniya v naseleennyih punktah Hangalasskogo, Megino-Kangalasskogo i Amginskogo rayonov Yakutii (2017–2018 gg.) [Field materials of the author. Research in the settlements of the Khangalassky, Megino-Kangalassky and Amginsky districts of Yakutia (2017-2018)].

Savvin, 2005 – *Savvin A.A. (2005). Pischa yakutov do razvitiya zemledeliya (opyit istoriko-etnograficheskoy monografii)* [The food of the Yakuts before the development of agriculture (the experience of the historical ethnographic monograph)]. Yakutsk. 376 p. [in Russian]

Seroshevskiy, 1896 – *Seroshevskiy V.L. (1896). Yakutyi: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: the experience of ethnographic research]. Vol. I. St. Peterburg. 720 p. [in Russian]

Sokolnikov, 1913 – *Sokolnikov P.N. Popov A.I., Govorov I.S. (1913). Zhilische, odezhda i pischa yakutov* [Dwelling, clothes and food of the Yakuts]. Yakutsk. 21 p. [in Russian]

Tugolukov, 1979 – *Tugolukov V.A. (1979). Kto vyi, yukagiryi?* [Who are you, the Yukaghirs?]. Moscow. 152 p. [in Russian]

Zenzinov, 1914 – *Zenzinov V.M. (1914). Starinnyie lyudi u holodnogo okeana. Russkoe uste Yakutskoy oblasti Verhoyanskogo okruga* [Ancient people at the cold ocean. Russian Ustye of Yakutsk region of Verkhoyansk district]. Moscow. 133 p. [in Russian]

Zyikov, 1986 – *Zyikov F.M. (1986). Poseleniya, zhilische i hozyaystvennyie postroyki yakutov XIX – nachala XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Settlements, dwellings and outbuildings of the Yakuts of XIX – early XX c. Historical and ethnographic research.]. Novosibirsk. 99 p. [in Russian]

«Ресурсы холода» в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – начало XX вв.

Александр Альбертович Сулейманов ^{a,*}

^a Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка реконструкции истории эксплуатации в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии дополнительных возможностей, предоставляемых наличием в регионе продолжительного периода устойчивых низких температур – «ресурсов холода». Выбранные хронологические рамки, с одной стороны, позволяют воссоздать роль «ресурсов холода» в традиционной системе жизнеобеспечения сельских сообществ до начала советской модернизации, с другой – опереться на достаточно репрезентативный массив источниковых данных.

В рамках проведенной реконструкции были выделены три основных направления использования «ресурсов холода».

Значительное место они занимали в обеспечении транспортных связей на обширных пространствах Якутии. В частности, проведенная работа позволила установить, что все три существовавших в начале XX в. пути снабжения Колымского региона Якутии опирались на возможности, которые предоставляло наличие продолжительного периода устойчивых низких температур.

Огромное значение «ресурсы холода» занимали также в системе питания. Возможность круглогодичного хранения продуктов в специальных ледниках, использования глубокой заморозки

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexas1306@gmail.com (А.А. Сулейманов)

при их приготовлении, а также транспортировки скоропортящейся пищи играла в жизнедеятельности населения Якутии определяющую роль, не только повышая вариативность блюд, но и зачастую спасая от голода.

Кроме того, показано санитарно-гигиеническое значение «ресурсов холода»: употребление талой воды, дезинфекция жилых помещений и белья, средства народной медицины являлись одними из инструментов повышения качества жизни представителей сельских сообществ Якутии в течение второй половины XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Якутия, холод, «вечная» мерзлота, традиционное хозяйство, коренные народы, сельское население.